

чуть ли не её возобновления, его, как известно, просто выслали вон из Москвы. Потом он тихо вернулся обратно и несколько лет издавал небольшую, но имевшую резонанс еженедельную газету, которая пользовалась благожелательным отношением как либеральных, так и консервативных министров, неизменно находясь в оппозиции и к тем, и к другим.

Очевидно, что личность и взгляды И.С. Аксакова в их неразделимой (и вместе с тем отнюдь не простой) взаимосвязи ещё долго будут привлекать к себе внимание историков, философов, филологов и всех, кому доведётся размышлять над судьбами России. И разговор о книге кандидата философских наук Андрея Александровича Тесли «“Последний из “отцов”»»² может лишь бегло очертить некоторые аспекты этой обширной темы. В её обсуждении приняли участие доктор исторических наук А.В. Репников (Российский государственный архив социально-политической истории) и кандидаты исторических наук Д.А. Бадалян (Российская национальная библиотека), А.Э. Котов (Государственный университет морского и речного флота им. адмирала С.О. Макарова), М.В. Медоваров (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского) и А.В. Хорошева (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), а также Е.В. Мамонова (журнал «Российская история»).

Александр Котов: Рыцарь славянского образа

Alexander Kotov (Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping, Russia): The knight of the Slavic image

Как и прочие славянофилы, И.С. Аксаков никогда, даже в советское время, не был обделён вниманием историков. Снисходительное в целом отношение к прекраснодушным либеральным барам оставляло тогда исследователям и публикаторам славянофильских текстов определённый простор. Но именно в наши дни наблюдается значительный рост интереса к аксаковскому наследию. Вызван он, как и повышенное внимание к В.В. Шульгину, скорее всего, тем, что общественный запрос сперва на европейский либерализм местной отвлёрточной сборки, а затем и на «государственническую» идеологию оказался удовлетворён, и читатель взыскует теперь не столько готовых теорий, формул и «разработок», сколько смелых вопросов и правдивых ответов³. Выражение же «честный как Аксаков» (и в XIX в. не лишённое доли сарказма) рисует воображению современного интеллектуала столь далёкий от реальности идеал, что трудно устоять перед соблазном рассмотреть с его помощью многочисленные «вечные русские вопросы».

Являясь полноценным академическим трудом, исследование А.А. Тесли будет, без сомнения, интересно и широкому кругу читателей. Динамичная (пусть и растекающаяся временами по древу) мысль излагается здесь живым авторским слогом. С отстранённой благожелательностью учёного энтомолога автор показывает удивительный *экземпляр* – «красивого русского человека», хотя и отмечает почему-то прежде всего «не местный» характер его красоты (с. 7). Впрочем, эта гомеопатическая доля субъективизма не вредит работе, но даже наоборот, роднит её с классическими интеллектуальными биографи-

² Тесли А.А. «Последний из “отцов”»: биография Ивана Аксакова. СПб.: «Владимир Даль», 2015. 799 с.

³ Котов А.Э. «Скромненький дневник Адама» // Российская история. 2013. № 2. С. 20.

ями – от бердяевских жизнеописаний А.С. Хомякова и К.Н. Леонтьева до книг Б.Э. Нольде о Ю.Ф. Самарине и В.В. Кожина о Ф.И. Тютчеве.

Тесля создаёт образ *либерального* Аксакова, лишённый обыкновенно приписываемой ему западниками «капусты в бороде». Однако российский либерализм, как известно, довольно часто оказывался декоративным обрамлением аристократического фрондёрства⁴. Потому не случайно автор ищет и без труда находит у своего героя «столбовые» черты. При этом Тесля лишь мимоходом касается той неприязни к аристократии и рыцарству, которая не раз декларировалась Иваном Сергеевичем. Так, редактор «Руси» заявлял, что «аристократическая стихия, присущая католическому миру, претит демократизму славянского племени»⁵.

Вероятно, считая этот демократизм только своеобразной формой рыцарства, Тесля на первых же страницах увесистого тома отмечает: «Своеобразие Аксакова – в готовности буквально воспринять и осуществить те принципы, которые для его круга остаются “гибкими”, ситуативными. Александр II однажды назвал его “рыцарем” – с чем не согласился, ответив Государю в дневнике длинной филиппикой, П.А. Валуев и с чем не согласился бы сам Аксаков, для кого “рыцарство” было “западным началом”. Но тем характернее причины несогласия Аксакова с “рыцарской моралью”: она представляется для него исключительной, распространённой лишь на свой круг, нижестоящий, крестьянин или бюргер – это тот, перед лицом кого “рыцарь” свободен от обязанности следовать признакам “рыцарской чести”, оскорбление “виллана” или насилие над ним не бесчестят его. Иными словами, “рыцарство” для Аксакова недостаточно человечно и “рыцарственно” – лишь немногие могут стать “равными” в глазах “рыцаря”, тогда как Аксакова не устраивает иная мораль, кроме универсальной» (с. 8).

В последующем признак «существенного поправения» аксаковского мировоззрения Тесля видит в том, что на случай своего выхода из Общества взаимного кредита тот рекомендовал: «Непременно выбирать председателя из дворян, как чуждого торгашескому духу: при таком только условии сохранятся традиции Ф.В. Чиждова и мои, и Общество не превратится в торговую лавочку. Да и крестьяне постоянно напоминают об этой разнице, предпочитая дворянина купцу» (с. 594).

Всё это справедливо, однако противоречие между «демократизмом» и «рыцарством» можно усмотреть лишь при однобокой трактовке этих понятий. Лучше всего свои претензии к «европейскому рыцарству» сам Иван Сергеевич сформулировал в 1863 г. в «Дне»: «Мы, русские славяне, не гордимся рыцарской кровью; мы, по выражению Хомякова, плебеи человечества; мы представляли немцам... считать “рыцарство” за идеал нравственной правды... Что же такое рыцарство в нравственном смысле? Это красивое употребление грубой силы по самым узким, условным понятиям о чести, вместе с грубейшим презрением к простому народу... Рыцарская нация поляков совершенно *по-рыцарски* поступала и поступает в Малороссии и Белоруссии, признавая простой народ за *bydło*, отрицая за ним право на русскую народность... А рыцарская нация чехов... не хочет и, как “рыцарская”, не может понять, что в этом “геройском бое за свободу” – за свободу собственно, за свободу свою против поляков,

⁴ См., например: *Христофоров И.А.* «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850-х – середина 1870-х гг.). М., 2002.

⁵ Собрание сочинений И.С. Аксакова. Т. 1. М., 1886. С. 563.

поддерживаемых всеми рыцарями Европы, борется не рыцарь народ, – русский народ, испытавший на себе польское рыцарское господство... Ну, конечно, “романтического” в мужике нет ничего, как не было его и в виленях – как не было его и в Жижковом войске с точки зрения немецких рыцарей... Нет, мы, русские, не рыцари, мы сам народ, мы – plebs»⁶.

Однако годом раньше он же создавал образ, будто сошедший со страниц прочитанных Дон-Кихотом романов: «Гарибальди напоминает собою исторических деятелей давно прошедших времён. Это лицо будто высечено из древнего мрамора. Признаться сказать, при общем понижении уровня – душ, умов и талантов человеческих, – всякое явление нравственной личности, выдающейся из однообразной современной общественной среды, способно возбуждать наше полное сочувствие. Само собою разумеется, что мы здесь приветствуем не бунт личности, не успех личного эгоизма, а торжество личной свободы духа, безусловно отдавшейся на службу общей цели, и то благотворное действие, которое ещё способно оказывать на человечество личная добродетель отдельного человека... Любовь к отчизне и народности, достойная всякого уважения сама по себе, никогда не оправдывает средств безнравственных; она требует чистых деятелей, и значение Гарибальди состоит не в его храбрости и геройстве, не в его военном таланте и патриотизме, – а именно в его нравственных качествах, в его личной духовной доблести»⁷.

Пропасть между Аксаковым и его главным «аристократическим» критиком – К.Н. Леонтьевым⁸ была всё же не слишком велика. Квинтэссенцией аристократического леонтьевского эстетизма стал риторический вопрос: «Не ужасно ли и не обидно ли было бы думать, что Моисей всходил в Синай, что эллины строили свои изящные акрополи, римляне вели пунические войны, что гениальный красавец Александр в пернатом каком-нибудь шлеме переходил Граник и бился под Арбеллами, что апостолы проповедывали, мученики страдали, поэты пели, живописцы писали и рыцари блистали на турнирах для того только, чтоб французский, немецкий или русский буржуа в безобразной и комической своей одежде благодушествовал бы “индивидуально” и “коллективно” на развалинах всего этого прошлого величия?»⁹. Но эти строки, появившиеся в «Гражданине» в 1882 г., парадоксальным образом перекликаются со словами Аксакова, вспоминавшего сербскую державу времён «царя Душана»: «Для того ли сербский народ прошёл этот трудный путь восхождения, и потом нисхожденья, чтобы начать новое восхождение – обезьяной и рабом немецкой “цивилизации”, для того ли целые века отстаивал свою вещественную независимость, чтобы наконец отречься от личной духовной самостоятельности и стать прихвостнем во всех отношениях враждебного ему Западного мира?»¹⁰. Вполне по-леонтьевски Аксаков оценивал «натуральную школу» и её «попытки дагеротипировать уродства быта и речи и возвести карикатуру в перл создания»¹¹. Наконец, и отношение Леонтьева к «уравнительному» аксаковскому идеалу не было однозначно отрицательным. Во всяком случае, он полагал, что «лучше

⁶ Полное собрание сочинений И.С. Аксакова. Т. 3. М., 1886. С. 129–130.

⁷ Собрание сочинений И.С. Аксакова. Т. 1. С. 19–20.

⁸ Подробнее см.: *Фетисенко О.Л.* Гептастилисты. Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. СПб., 2012. С. 154–185.

⁹ *Леонтьев К.Н.* Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т. 8. Кн. 1. СПб., 2007. С. 90.

¹⁰ Собрание сочинений И.С. Аксакова. Т. 1. С. 83.

¹¹ Там же. С. 162.

было бы оригинальное и твёрдое провинциальное самоуправление, чем разросшийся паук бюрократии»¹².

Обаяние Аксакова именно в том, что это классический «аристократ, пошедший в демократию», воплощающий самую суть рыцарского идеала – идею служения. Безусловно, с Леонтьевым у них был общий эстетический знаменатель. Но эстетическое чувство только усиливало подозрительное отношение Ивана Сергеевича ко всякой фальши. Об этом красноречиво свидетельствует его подтрунивание над С.Ф. Шараповым, написавшим своё письмо на «шикарном» именном бланке: «Как вверять секреты человеку, столь юному сердцем, что он не может писать на простой почтовой бумаге, как наш брат, человек зрелый, а украшает её затейливым рисунком своего имени и отчества! Не мог я не рассмеяться новой штуке, явленной Вами в Вашем письме!»¹³. Впрочем, распознав в Шарапове «медь звенящую и кимвал брянчащий», Аксаков не почувствовал той же пустоты в Н.И. Ашинове и М.Г. Черняеве. Склонность видеть вместо человека «тип» вообще нередко подводила воспитанных на немецком идеализме интеллектуалов той эпохи.

Дмитрий Бадалян: Биография удивительного человека

Dmitrii Badalian (The National Library of Russia): Biography of a strange person

Иван Сергеевич Аксаков был удивительный человек: несколько лет, по его собственным словам, не читал книг, поскольку не оставалось на них времени, а потом стал председателем Общества любителей российской словесности; в своём отечестве дослужился лишь до чина надворного советника, а в Болгарии его выдвинули кандидатом на княжеский престол; последние 10 лет жизни провёл в кресле директора правления банка, но не обзавёлся даже собственным домом, а жене завещал... расплатиться с его 15-тысячным долгом; умер, будучи редактором небольшой по тиражу еженедельной газеты, а проститься с ним пришли 100 тысяч москвичей и жителей других городов. Его идеи и деятельность, безусловно, требуют вдумчивого исследования, основанного на многочисленных документах, сохранившихся в архивах.

И вот появляется его биография. Но как... В течение полугода в двух петербургских издательствах («Русская мысль» и «Владимир Даль») вышли две книги, у которых один автор, одно название (во втором лишь слово «отцы» взято в кавычки), но содержание существенно отличается. Первая освещает жизнь Аксакова до 1878 г. и состоит из трёх частей, каждая из которых в свою очередь делится на две главы, и заключения. Во втором издании появилась седьмая глава «Последние годы» (с. 552–615). Кроме того, оно снабжено несколькими блоками «документальных приложений»: «А», «В» и «С» вставлены в середину книги (с. 221–268, 306–334, 546–551), а «D» – после заключения. Наконец, после «документального приложения D» помещено просто «приложение», в котором собраны некоторые статьи автора (с. 717–775). Объяснить такое «раздвоение» сможет, пожалуй, только искушённый человек, усвоивший железное правило: своевременный отчёт перед грантодателем важнее уважительного от-

¹² Фетисенко О.Л. Переписка К.Н. Леонтьева и С.Ф. Шарапова (1888–1890) // Русская литература. 2004. № 1. С. 125.

¹³ Фетисенко О.Л. Переписка И.С. Аксакова и С.Ф. Шарапова (1883–1886) // Там же. 2005. № 1. С. 173.